

УДК 34(091)

АМИНА МУХИТДИНОВА – ЖИЗНЬ И СУДЬБА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

А.Ф. Мухитдинова родилась в Казани в 1893 г. В 1902 г. Амина поступает в младший приготовительный класс Казанской Мариинской женской гимназии. В мае 1912 г. она заканчивает 7-классный курс с отличными оценками и золотой медалью, получает звание учительницы начальных училищ, с правом заниматься обучением и на дому. Кроме предметов общего характера, в гимназии она изучала французский язык, педагогику, чистописание, занималась рукоделием и рисованием и, конечно же, обязательный для того времени закон божий, а также церковно-славянскую словесность.

В августе 1912 г. Амина поступает в 8-й дополнительный класс в этой же гимназии – для специального изучения русского языка. Учеба продолжается до 31 мая 1913 г. Как видно из свидетельства, А. Мухитдинова показала отличное поведение, учебные занятия выполняла с отличными оценками. По всем предметам – отличные оценки, за исключением гимнастики (удовлетворительно). В результате она получает звание домашней наставницы. Уже с 14 лет Амина давала частные уроки и зарабатывала себе на жизнь.

А. Мухитдинова рано начала выступать в печати. В частности, одна из ее статей – «Кто такая мугаллима Фатима?» – была написана в связи с появлением пьесы Гаяза Исхакова «Мугаллима» (1914 г.). Пьеса вызва-

ла оживленную дискуссию. Только в 1914 г. о ней появились 8 статей различных авторов, в том числе Мухитдиновой, которая писала о необходимости использования в татарской драматургии и татарском театре опыта Запада, превозносила творческий метод зарубежных авторов модных драм¹.

В мае-июне 1914 г. Амина в Казанской второй мужской гимназии подвергается дополнительным испытаниям-экзаменам. По русскому сочинению и латинскому языку она получает оценку «отлично», а по физике, математике и французскому языку – «хорошо». Это дает ей право поступления в университет.

В августе 1915 г. А. Мухитдинова обращается к ректору Императорского Казанского университета с заявлением о зачислении ее в число слушательниц медицинского факультета, а если там нет вакансий, то на естественное отделение физико-математического факультета. Своим адресом она указывает Екатерининскую улицу Казани, а именно Татарскую учительскую школу. Амину зачислили на медицинский факультет, на котором она училась один год. 2 сентября 1916 г. Мухитдинова обращается к ректору с заявлением о переводе на юридический факультет. Ее заявление удовлетворяется.

Как известно, после революции юридический факультет в Казанском университете был закрыт. Вместо

него появился факультет общественных наук (ФОН), куда и просит зачислить себя Мухитдинова в заявлении от 5 мая 1919 г. В октябре 1919 г. она оканчивает учебу в Казанском университете².

Умная, подающая надежды Амина мечтала и о научной карьере. По ходатайству ректора Казанского университета от 28 ноября 1919 г. она была оставлена для приготовления к профессорскому званию по кафедре «теория капиталистического хозяйства». Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Вместе с Мулламуром Вахитовым А. Мухитдинова была одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета. В первом номере газеты комитета «Кзыл Байрак», редактором которой являлся М. Вахитов, помещается статья А. Мухитдиновой «Свобода женщине», пронизанная мыслью о том, что буржуазно-демократическая революция не способна освободить женщин, что истинное равноправие ей даст только социалистическая революция³.

Амина Мухитдинова – одна из организаторов и активных участников женского движения в Татарии. Жен-организаторы, женотделы, съезды и конференции женщин, делегатские собрания и многое другое – всем этим пришлось заниматься А. Мухитдиновой и ее соратницам. Она в 1917 г. вела работу среди татарских солдаток. С ее участием создавались «Бюро мусульманских солдаток», «Союз солдаток», кассы взаимопомощи для солдатских жен, дома для детей-сирот и беспомощных родителей, решались вопросы оказания финансовой и иной помощи.

О совместной работе с М. Вахитовым Мухитдинова впоследствии напишет статью «Мулламур Вахитов в Февральской революции». Она его называет руководителем татарского

пролетариата, слова которого, «как острие ножа, вонзались в сердца тех, против кого они были направлены». Как и Мулламур Вахитов, Амина Мухитдинова была сильным публицистом, журналистом. Она пишет ярко, образно, убедительно.

На Всероссийском мусульманском съезде в Москве в начале мая 1917 г. А. Мухитдинова выступила с докладом о роли женщины-татарки в социалистической революции. Реакция на ее выступление была разной: меньшевики, кадеты, националисты потребовали удалить Мухитдинову из зала; революционно настроенные солдаты и рабочие устроили ей овации. Участвовавший на этом съезде писатель Галимджан Ибрагимов оценил выступление Мухитдиновой как «одно из самых глубоких по содержанию и сильных по эмоциональному значению выступлений».

Мы не будем более подробно останавливаться на деятельности Амины Мухитдиновой в качестве заместителя Мусульманского социалистического комитета. Эта тема достаточно освещена в научной и публицистической литературе.

В январе 1918 года создается Центральный мусульманский комиссариат при Наркомнаце во главе с Мулламуром Вахитовым. А. Мухитдинова работает здесь в качестве заместителя, а затем – председателем научного отдела комиссариата.

Во время гражданской войны А. Мухитдинова с самого начала боевых действий и до их завершения выполняла обязанности политрука в действующих частях Красной Армии – на 16-х мусульманских пехотинских, 8-х пеших командных курсах в Казани.

Амина Мухитдинова была среди организаторов и активных участников создания так называемого Академического центра Народного ко-

миссариата просвещения Татарской республики, и стала его первым руководителем. Академический центр в 1918 г. начинает издание журнала «Магариф», который впоследствии стал органом Наркомпроса Татарской республики.

В январе 1919 г. она участвует в проведении в Казани конференции по реформе татарской орфографии. Как вспоминал Самигулла Касимов, он прибыл на конференцию в качестве делегата от Урала. Конференция проходила в большом здании, которое впоследствии стало Домом работников просвещения. По словам С. Касимова, зал был набит до отказа. Делегаты, собравшись в группы, о чем-то спорили, разговаривали, общались. Вскоре на сцене появились мужчина и молоденькая девушка. Ими оказались Мустафа Субхи (основатель и председатель коммунистической партии Турции) и Амина Мухитдинова. Они вдвоем руководили работой конференции.

Внимание всех делегатов привлекла Амина Мухитдинова – молодая, красивая девушка, со стройной фигурой и пронзительным, острым взглядом. Всех интересовал вопрос: кто она такая, эта молодая девушка, и когда она успела стать таким «большим» человеком?⁴

Амина Мухитдинова по праву считалась одной из первых татарских красавиц того времени. Вдобавок к этому она была весьма образованной женщиной. Она всю жизнь боролась за права женщин, за их раскрепощение, за равноправие женщин и мужчин. И сама, своими действиями, поступками доказывала, что женщины могут трудиться, творить наравне с мужчинами.

Перейдем к юридической деятельности А. Мухитдиновой. С июля 1920 г. она работает заведующей Казанским районным отделом юсти-

ции, заместителем наркома юстиции ТССР. Во время отсутствия наркома юстиции Нехотяева (по болезни, командировки) его обязанности исполняет Мухитдинова. Одновременно она является членом Центральной мусульманской научной коллегии во главе с И. Фирдевсом.

Мухитдинова курировала в отделе юстиции Татревкома и в Наркомате юстиции подотделы судоустройства и судопроизводства, судебного контроля, судебной статистики, участвовала в разработке положения о НКЮ. Как заведующей Казанским районным отделом юстиции, ей подчинялись члены коллегии Богаутдинов (впоследствии нарком юстиции) и Бирюков. Она же являлась председателем Казанского совета народных судов.

Организационный период создания, становления Казанского районного отдела юстиции был трудным. Одновременно с упразднением уездных бюро юстиции их дела передавались в Казанский отдел юстиции. Шло определение территории границ отдела, его внутреннего устройства. Состоялось распределение города Казани на следственные участки.

Отдел рассматривал и разрешал многочисленные, разнообразные вопросы. Например, в сентябре 1920 г. на распорядительном заседании отдела было решено отстранить народного судью первого участка г. Казани Максорова – за его неумение вести судебные заседания и грубое обращение с публикой.

В октябре 1920 г. на распорядительном заседании коллегии заслушали доклад доктора Донского о санитарном состоянии тюрем. Далее заслушали сообщения о собрании служащих судебных учреждений г. Казани. Было решено вещественные доказательства, оставшиеся у нарсудей по рассматриваемым делам, передать на помощь фронту.

30 июля 1920 г. проходит заседание комиссии для выработки декрета об амнистии по случаю объявления Татарской республики. На нем участвуют: от отдела юстиции – Мухитдинова, от рабоче-крестьянской инспекции – Зивгаревич, от Татревкома – Валидов, от Губчека – Бычков, от Реввоентриба – Портнов. Председателем комиссии избирается Мухитдинова, секретарем – Зивгаревич.

Комиссия знакомится с декретами ВЦИК об амнистии – Октябрьской (1919 г.) и Первомайской (1920 г.) и выбирает для использования первый декрет как наиболее полный по содержанию и который предоставляет больше прав и преимуществ для облегчения участи заключенных разных категорий. За основу амнистии решили взять принцип полного освобождения. К отдельным категориям лиц амнистия не могла быть применена. Наблюдение за исполнением декрета возлагалось на отдел юстиции. Комиссия подготовила и внесла соответствующий проект постановления Революционного комитета Автономной Татарской республики об амнистии по случаю объявления автономной ТССР⁵.

14 августа 1920 г. на распорядительном заседании Ревкома Мухитдинова выступила с докладом об организации двух районных революционных трибуналов на территории Татарской республики. До их организации данные функции были возложены на Казанский городской трибунал.

1 октября 1920 года под председательством заместителя наркома юстиции Мухитдиновой проходит еще одно заседание междуведомственной комиссии по вопросу о применении амнистии. Участвуют представители революционного трибунала, совнарсуда, судьи, следователи и другие. Комиссия решила – амнистировать через суды дела следственных заключен-

ных в той стадии следствия, в какой их застала амнистия, в первую очередь рассматривать дела заключенных, находящихся в местах лишения свободы. Комиссия внесла и пожелание в ЦИК: о применении амнистии к лицам, осужденным к высшей мере наказания, заменив его другой степенью наказания. Также было высказано предложение о разработке инструкции для единообразного применения амнистии⁶.

В этот же день, 1 октября 1920 г., отдел юстиции провел ведомственное совещание для подробного инструктажа по вопросу применения амнистии.

21 октября 1920 г. заместитель Наркомюста Мухитдинова участвует в работе заседания комиссии по разгрузке тюрем. Заседают одни мужчины с грозными должностями: Председатель ВсеТатЧека и начальник особого отдела ВЧК при Западной Армии Иванов, председатель революционного трибунала Казанского района Бирюков, заведующий Казанской рабоче-крестьянской инспекцией Конев, заместитель председателя Военного трибунала Западной Армии Кузнецов.

В период работы в Наркомюсте Татарской республики (1920–1921 гг.) А. Мухитдинова одновременно являлась членом президиума и заведующей организаторско-инструкторским подотделом в Суконно-Слободском районном комитете партии.

27 декабря 1920 г. состоялся первый Всетатарский съезд судебных деятелей. В работе съезда Мухитдинова участвовала как заведующая районным отделом юстиции. Она была избрана в президиум съезда. С основным докладом выступил Нехотяев. Мухитдинова выступила на съезде с докладом по Положению о народном суде.

Как заместитель наркома юстиции Татарской республики, Мухитдинова

вместе с другими представителями соответствующих органов участвовала в проверке Казанской тюрьмы, например, 1 января 1921 г., с осмотром камер и беседами с заключенными.

Из отчета за декабрь 1920 г. видно, что в декабре в Казанский районный отдел юстиции поступило запросов, отношений и других бумаг – 264. В течение месяца было исполнено 363 бумаги. Состоялось одно распорядительное заседание коллегии. Он курировал работу уездных судов. К отчету прилагались и сведения о деятельности райсовнарсуда – о движении, рассмотрении уголовных и гражданских дел.

В январе 1921 г. в отчет добавляются сведения о деятельности Губрев-трибунала. В отчет за апрель 1921 г. включены и сведения о деятельности народных следователей и народных судов г. Казани.

6 июля 1921 г. согласно приказу по НКЮ от 4 июля 1921 г. заведующая районным отделом юстиции Мухитдинова сдала дела своему заместителю Саттарову. Был составлен акт о передаче дел и по Казанскому совнарсуду⁷.

Что могло послужить причиной ухода А. Мухитдиновой из Наркомюста? Очевидно, что она не сработалась с новым наркомом юстиции Гимазом Богаутдиновым, не вписалась в его команду. Богаутдинов призвал в Наркомюст людей, которых он знал хорошо. Это были выходцы с Бондюжского химического завода, либо товарищи наркома по гражданской войне. Они были готовы выполнить любое указание наркома. А хрупкая, с высшим юридическим образованием А. Мухитдинова могла возразить.

О произошедшем конфликте между наркомом Г. Богаутдиновым и его заместителем А. Мухитдиновой красноречиво свидетельствует и заявление Мухитдиновой от 19 июля

1921 г. в областной комитет РКП (б) Татарской республики. В нем А. Мухитдинова пишет, что была назначена в июле 1920 г. по постановлению областкома и Совнаркома ТССР заместителем наркома юстиции Татарской республики и в течение года работала в НКЮ в качестве заведующей Казанским районным отделением юстиции и председателя Совнарсуда. 4 июля 1921 г. Г. Богаутдинов своим приказом освобождает А. Мухитдинову от означенных должностей и назначает членом Областного революционного трибунала. В этот же день Мухитдинова получает новый приказ – о назначении ее представителем от Наркомата юстиции Татарской республики в Наркомюст РСФСР.

Мухитдинова идет к Богаутдинову и задает вопрос: какой из приказов считать действительным? И получает ответ, что она остается членом революционного трибунала. 6 июля А. Мухитдинова получает мандат члена революционного трибунала и выезжает в служебную командировку в Чистополь по делам Наркомюста. По приезду она получает приказ Г. Богаутдинова об отстранении ее от должности члена Казанского революционного трибунала.

А. Мухитдинова пишет в областком партии: «... в настоящее время я властной рукой товарища Богаутдинова отстранена от всех должностей при наркомюсте, без указания мне соответствующих причин. Указанные действия товарища Богаутдинова считаю неправильными и нарушающими принципы нашей партии по следующим мотивам: 1) товарищ Богаутдинов не имел права единолично отстранить меня от должности заместителя народного комиссара юстиции, на которую я была назначена областкомом и Совнаркомом; я как ответственный партийный работник нахожусь в распоряжении областкома, который яв-

ляется единственным полномочным снять меня с работы; 2) отстранение меня от целого ряда должностей без указания причин противоречит Кодексу законов о труде и дискредитирует меня как члена РКП и советского работника; 3) перебрасывание по капризу из одной должности в другую партийного работника, издавая о нем в неделю чуть ли не полдесятка приказов, противоречит партийной этике. Мои неоднократные попытки лично объясниться с товарищем Богаутдиновым приводили лишь к грубым выкрикам с его стороны, а потому я вынуждена обратиться к областному как к высшему на месте партийному органу, стоящему на страже защиты своих членов от подобных выходов товарищей, злоупотреблявших своим положением».

Заявление, прямо скажем, серьезно мотивированное, написано рукой грамотного, сильного юриста и партийного работника, без заискиваний. Все вещи названы своими именами.

Конечно же, Амина Фасыховна понимала, что при сложившихся обстоятельствах не сможет работать в Наркомюсте. Поэтому она просит областком партии направить ее на другую советскую работу⁸.

Заявление Мухитдиновой было рассмотрено на заседании областного комитета партии 20 июля 1921 г. Принимается решение – отозвать ее в распоряжение областкома.

Одновременно 20 июля 1921 г. на заседании бюро областкома рассматривается заявление Еникеева об освобождении его от должности начальника Академического центра Татнаркомпроса. Заявление Еникеева удовлетворяется, на его место назначается Мухитдинова⁹.

Заявление Мухитдиновой на заседании областного комитета было рассмотрено без каких-либо обсуждений. Кто прав, кто виноват – эти вопросы

не выяснялись. Вполне очевидно, что правота Мухитдиновой была молчаливо признана. Но никто не решился об этом открыто высказаться. Сработал старый принцип: Богаутдинову работать, пусть он и подбирает себе кадры.

С 4 августа 1921 г. Мухитдинова назначается начальником Академического центра Наркомата просвещения Татарской республики. Начальник Академцентра по рангу являлся первым заместителем наркома просвещения. Некоторые исследователи рассматривают Академцентр Наркомпроса ТАССР как прообраз будущей Академии наук Республики Татарстан¹⁰.

26 августа 1921 г. в повестке заседания Секретариата областного комитета партии с участием Карпова, Ендакова, Иванова, Мухтарова и других стоял доклад наркома просвещения Татарской республики Галимова. Секретарь областкома Карпов, оглашая повестку дня, заметил, что многие члены бюро находятся в командировках, отсутствует кворум, что затрудняет решение вопросов принципиального характера. С другой стороны, есть вопросы неотложного характера, которые нужно разрешать. После обмена мнениями было решено рассмотреть текущие дела, среди которых был и вопрос о положении в Наркомпросе, о необходимых в этой связи передвижениях и назначениях.

Далее члены секретариата приступили к рассмотрению вопроса о назначении наркома просвещения. Карпов в кратких чертах обрисовал состояние работы в Наркомпросе, указав, что работа там совершенно останавливается, и если не дать туда подходящего человека, то работа встанет. Со своей стороны Карпов выдвинул на пост наркома просвещения две кандидатуры – Мухитдиновой и Ибрагимова.

Причем Мухитдинову Карпов назвал первой.

Иванов (ТатЧека) возразил против кандидатур Карпова и выдвинул Габидуллина, заявив, что «более подходящего работника из татар не найти». Высказались также Ендаков, Мухтаров, снова Карпов и Иванов. После детального обсуждения члены секретариата нашли самой подходящей кандидатуру Габидуллина. Секретариат принял решение: на пост наркома просвещения выдвинуть кандидатуру товарища Габидуллина¹¹. Правда, Габидуллин успел поработать наркомом лишь несколько месяцев.

Тогда в правительстве Татарской республики не было женщин на должности наркома. Сам факт выдвижения Мухитдиновой на такую высокую должность говорит о многом. Однако секретаря областного комитета партии Карпова не поддержали, и он не смог отстаивать свое мнение.

По решению ЦК ВКП (б) в 1922 г. Мухитдинову перебрасывают в Крымскую республику – она была образована в октябре 1921 г. В Крыму А. Мухитдинова работала на ответственных руководящих должностях. Она была членом, прокурором Симферопольского городского и областного революционного трибуналов, заместителем прокурора Крымской республики. Здесь Амина Мухитдинова занимается созданием органов прокуратуры, перестройкой органов трибунала. Она внесла большой вклад в создание и укрепление органов прокуратуры Крыма. Она выступала в качестве государственного обвинителя на многих крупных судебных процессах.

В 1924 г. А. Мухитдинова возвращается в Казань и направляется на партийную работу. Одно время она является ответственным секретарем объединенного городского райкома партии Казани – то есть возглавляет партийную организацию г. Казани.

В 1926 г. Мухитдинова начинает работать в прокуратуре Татарской республики. 4 ноября 1926 г. Мухитдинова как представитель от прокурорского надзора участвовала в заседании комиссии по разверстке соответствующего количества народных заседателей для Главсуда и нарсудов г. Казани по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям. На комиссии было определено количество народных заседателей, которые необходимы для судов в 1926–1927 гг.

12–14 ноября 1926 г. в Москве состоялось совещание представителей национальных образований в составе РСФСР, созванное по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и заместителя Председателя СНК РСФСР Рыскулова. На совещании участвовали 49 представителей автономных образований. Обсуждались различные вопросы национального движения, статуса республик и так далее.

2 января 1927 г. в Казани на собрании партийного актива под председательством секретаря Татарского обкома ВКП(б) Хатаевича состоялось обсуждение итогов совещания в Москве. Не вдаваясь в детали обсуждений в Москве и Казани, заметим, что на совещании в Казани выступила и Амина Мухитдинова – на тот момент помощник прокурора Татарской республики. В своем выступлении она осудила предложение об отделении Башкирии и Татарии от России, назвав это болезненным уклоном, мешающим экономическому развитию. «Теперь, в 1927 г., – сказала она, – разрешение национального вопроса ... есть разрешение хозяйственного вопроса»¹².

Скорее всего, на это совещание А. Мухитдинова была приглашена не столько как представитель Наркомюста – прокуратуры Татарской республики: ведь на совещании участвовал

и выступил также и Наркомюст – прокурор республики Палютин. А. Мухитдинову на это совещание могли пригласить как специалиста по вопросам национальных республик, с учетом ее образованности, опыта работы на руководящих должностях в Татарской и Крымской республиках.

12 апреля 1927 г. на заседании коллегии НКЮ ТР в числе других вопросов был рассмотрен вопрос о работе помощников по судебному надзору. Отчитывались: Мухитдинова – по уголовному надзору, Масис – по надзору за гражданскими делами. В целом их работу признали положительной, отметив нормальные взаимоотношения помощников прокурора с Пленумом Главсуда. Указали и на недостатки в работе. В своем заключительном слове Мухитдинова согласилась с отдельными замечаниями, а по некоторым обоснованно возразила.

На совещании судебных работников НКЮ 10–11 октября 1927 г. подводились итоги работы. После доклада Палютина состоялись выступления других работников. В них говорилось и о работе кассационной коллегии, о длительном прохождении дел и других недостатках. Выступившая Мухитдинова отметила сложную, трудную обстановку в работе коллегии, указав и на состоявшееся сокращение ее штатов. По ее словам, в работе коллегии «количество дел идет за счет качества». Тем не менее Мухитдинова работу кассационной коллегии в целом и карательную политику нарсудов в отношении к растратчикам посчитала правильной. В своем выступлении Мухитдинова также говорила об огромной загруженности помощников прокуроров по судебному надзору. Поэтому они участвовали лишь в заседаниях Главного суда¹³.

31 октября 1927 г. помощники прокурора Татарской республики Масис и Мухитдинова участвуют в заседа-

нии расширенного Президиума Главсуда ТССР, на котором обсуждались вопросы перерайонирования следственного участка по г. Казани, о созыве совещания судей и народных следователей г. Казани и другие¹⁴.

В 1927 г. ЦК ВКП(б) отзывает А. Мухитдинову в Москву – она назначается членом коллегии Верховного Суда РСФСР, где работает до 1931 г. Затем следует учеба в Институте Красной профессуры мирового хозяйства и мировой экономики (1931–1934 гг.). Одновременно она преподает политическую экономию и историю партии в школе НКВД. После окончания института А. Мухитдинова работает помощником заведующего отделом печати ЦК ВКП(б). В период работы в Москве А. Мухитдинова была членом бюро партячейки, партследователем в Московской партийной организации. В 1929 и 1933 гг. она участвовала в проведении партийной чистки в Московской партийной организации.

В библиотеке Казанского государственного университета каким-то чудом уцелела юридическая работа А. Мухитдиновой: «Революционная законность и бытовые преступления на Востоке». Книга была издана в 1929 г. в Государственном издательстве в Москве. Удивительно, как не уничтожили эту книгу в годы репрессий – ведь все книги «врагов народа» подлежали изъятию и уничтожению.

В небольшой по объему книге (38 страниц) А. Мухитдинова рассказывает о первых шагах советской власти в борьбе с бытовыми преступлениями. Автор ратует за полное раскрепощение женщины от бытового угнетения, от многочисленных предрассудков и обычаев, которые железным кольцом окружают повседневную жизнь трудящейся женщины. Работа относится к уголовному праву. А. Мухитдинова подробно рассматривает новую

Х главу Уголовного кодекса РСФСР «О преступлениях, оставляющих пережиток родового быта». Она была утверждена ВЦИК в марте 1928 г. Работа основана на материалах республик Востока (Северный Кавказ, Средняя Азия). Имеются ссылки на конкретные случаи, факты, на соответствующие примеры по Узбекистану, Азербайджану, Туркмении, Казахской республике, Башкирии, Бурято-Монгольской республике, Кабардинской области и другие. Чувствуется, что автор проделала немалую работу. Материал собран во многих республиках и областях. В качестве примеров использованы конкретные примеры из судебной практики. Проведен разбор самых различных случаев и ситуаций.

А. Мухитдинова дает статистику бытовых преступлений того периода, отмечая, что эти сведения являются приблизительными. Например, в Башкирии в 1926 г. за многоженство осудили 89 человек, а за уплату калыма – 9. Автор подчеркивает, что действительное число подобных преступлений во много раз превышает эти цифры. В 1926 г. по СССР произошло крупное увеличение числа осужденных за бытовые преступления. Мухитдинова объясняет это тем, что население и судебные органы стали больше обращать внимания этим вопросам.

В книге подробно рассмотрены отдельные составы преступлений: калым; принудительный брак, в том числе с похищением женщины; двоеженство и многоженство. При этом Мухитдинова дает подробный комментарий по каждой статье Уголовного кодекса, разъясняя, какие действия включает в себя каждый состав преступления. Обращено внимание на различные нюансы и тонкости, выявляющиеся при расследовании.

Комментируя статью 196 Уголовного кодекса РСФСР (калым),

А. Мухитдинова, в частности, разбирает обычай, существующий в Чувашской республике, Марийской области и Татарской республике, – когда жених делает невесте свадебные подарки, родственники жениха и невесты обмениваются приношениями. Если подарки делаются добровольно и стороны не извлекают имущественной выгоды, то состава преступления нет, – объясняет Мухитдинова.

Еще раз Татарская республика упоминается в книге (вместе с Башкирией) при анализе дел о похищении невесты. Мухитдинова сообщает, что в Татарской республике и Башкирии встречаются случаи, когда жених-бедняк, не достигнув соглашения с родителями любимой девушки, которые ищут богатого жениха, похищает девушку с ее согласия, но тайно от родителей. В таких действиях, по мнению автора, также нет состава преступления. В комментарии к данному случаю явно проявляется классовый подход автора, когда оправдываются действия жениха-бедняка. А когда простую невесту похищает богатый жених, то состав преступления налицо. С этим соглашался и гениальный Леонид Гайдай, поставив комедию «Кавказская пленница».

Других упоминаний про Татарскую республику в работе мы не находим. Зато в ней много примеров по Средней Азии и Кавказу – именно в тех краях совершалось большинство подобных преступлений.

Говоря о похищении женщины, автор отмечает, что в некоторых местах это влечет другое тяжкое преступление – кровную месть. Мухитдинова приводит пример, когда в Осетии за одну похищенную девушку было убито 25 человек. Стороны рыли в деревне окопы, крестьяне боялись выйти на улицу и на работу.

В последней главе книги А. Мухитдинова формулирует задачи жен-

щины-активистки на местах при проведении законов о бытовых преступлениях. В первую очередь она говорит о необходимости широкого ознакомления женщин с советскими законами. А. Мухитдинова подчеркивает, что с заявлением о совершении преступлений, составляющих пережиток родового быта, может обратиться не только потерпевшая женщина, но и любой гражданин, которому стало известно о совершении подобного преступления.

Книга А. Мухитдиновой решает несколько задач. В первую очередь, она комментирует уголовный закон. Далее, книга в популярной, доступной форме знакомит граждан с положениями закона. И кроме того, она носит явно направленный пропагандистский характер.

Несколько слов о семье. Муж Мухитдиновой, Осман Дивиев, был блестящим экономистом и в целом одаренным человеком. Биографии Амины Мухитдиновой и Османа Дивиева в чем-то схожи. Оба они вначале учились на врача (Осман – в Одесском медицинском институте), а потом решили получить юридическое образование (Дивиев окончил юридический факультет Новороссийского университета). Оба участвовали в мусульманском революционном движении (она – в Казани, он – в Одессе). Поженились они в Крыму в 1923 г. Объединяла их и совместная работа с турецким коммунистом Мустафой Субхи – Осман работал с ним в Одессе, а Амина в Казани.

В 1924–1926 гг. Дивиев работал заместителем наркома юстиции – заведующим отделом прокурорского надзора. В 1925 г. Осман Дивиев, как заместитель наркома юстиции – прокурора ТССР направил ряд циркуляров на места. В циркуляре № 6/123 он предупреждал лиц прокурорского надзора, судей и следователей – воз-

держаться от затребования лошадей от органов милиции. Предупреждение было вызвано получением письма из НКВД ТССР от 12 августа 1925 г. В нем НКВД сообщал, что на местах при выездах в кантоны члены кантисполкомов, члены канткомов РКП(б), а также лица прокурорского надзора, судьи и следователи практикуют использование конного состава кантонных управлений милиции. В некоторых случаях истребование лошадей даже носило принудительный характер.

А вообще-то работники прокуратуры все время ездили на транспорте милиции как тогда, на лошадях, так и потом – на машинах. Сам сколько лет работал следователем и прокурором, часто использовал транспорт милиции. Потому что у них транспорта всегда было намного больше, чем у прокурора, да и потом, какой милиционер откажет прокурору? Так что эта практика живуча.

В другом циркуляре № 4/121 Осман Дивиев сообщал об имеющих место в кантонах случаях, когда для проведения судебно-медицинской экспертизы народные судьи и следователи на местах привлекают санитарных врачей кантонов. Дивиев обоснованно указывает, что санитарный врач совершенно не подготовлен к работе в области судебно-медицинской экспертизы, так как он врач по санитарным наблюдениям и по борьбе с эпидемиями. Поэтому привлечение его в качестве судебно-медицинского эксперта Дивиев считал нецелесообразным. В этой связи Дивиев предлагал: для проведения судебно-медицинской экспертизы в первую очередь привлекать судебно-медицинских экспертов; если таковых нет или нельзя задерживать вскрытие труп в связи с отсутствием эксперта на месте, необходимо привлекать участковых врачей, работающих в кантздравах; если уж нет и

этих, и других, и нельзя отложить экспертизу, то в таких критических случаях можно привлекать санитарного врача¹⁵.

Кроме работы в юридической сфере, Осман Дивиев работал и в банковских, финансовых учреждениях. Например, в 1926–1927 гг. он в Казани являлся председателем Татсельхозбанка. В Москве он трудился членом правления Сельхозбанка, управляющим Колхозбанком, членом коллегии и начальником Управления трудсберкасс Наркомата финансов РСФСР, возглавлял Центральное издательство, работал в зерносовхозном объединении, старшим инспектором финансового управления «Главзолото» Наркомтяжпрома.

Обратимся к материалам уголовного дела А.Ф. Мухитдиновой. Она и супруг были арестованы 15 августа 1937 г. в Москве. Основное обвинение – состояла в антисоветской организации группировки «левых», активно участвовала в антисоветской деятельности. Кроме того, она обвинялась в том, что знала о контрреволюционной деятельности своего мужа Османа Дивиева и скрывала об этом.

Арест был санкционирован заместителем наркома НКВД СССР. Проведен обыск по месту жительства Мухитдиновой и Дивиева – ул. Петровка, 14–16. Вместе с Аминой в московской квартире проживала ее больная сестра Марьям, 1895 г.р. При обыске изъяты часы дамские ручные золотые с браслетом, но без стекла, зеркало, чемоданчик, деньги в сумме 61 руб. 99 коп., пистолет-револьвер и медкарточка лечсанупра Кремля. В медицинской справке Мухитдиновой отмечены ее болезни – комбинированный порок сердца, малокровие.

На момент ареста Мухитдинова не работала и была персональной пенсионеркой по болезни.

На допросах Мухитдинова подтвердила, что с 1920 г. участвовала в «левой» группе, в 1925 г. примкнула к ее так называемой «ультралевой» части, участвовала в ней до 1927 г. Одни общие слова, никакой конкретики, за исключением мелких фактов – кто и у кого бывал, на каких квартирах и что обсуждали. Амина припомнила один факт, когда представители «левых» Ганеев и Сагидуллин в Заречном районе г. Казани выступили с требованием увеличить число татарских работников в составе райкома ВКП(б). Это было в 1925–1926 гг. Со слов А. Мухитдиновой, в 1925–1926 гг. она, являясь секретарем РК ВКП(б), на партийных конференциях и районных партийных собраниях поддерживала кандидатуры «левых».

Спрашивали ее и о муже. Если верить протоколу, то Мухитдинова сообщила о том, что Осман Дивиев в 1918 г. находился на территории белых в Крыму, работал у генерала Сулькевича и проводил там антисоветскую деятельность.

Отметим, что первые допросы А. Мухитдиновой датированы лишь 15 и 21 августа 1938 г. На допросе 21 августа 1938 г. она, в частности, дает показания об антисоветской деятельности супруга Османа Дивиева.

Однажды в кабинете своего следователя Амина Мухитдинова увидела папку с делом Османа Дивиева. Возможно, что следователь сделал это специально. На папке была надпись – «расстрелян – мая 1937 года». Только дату расстрела она не смогла рассмотреть. Очевидно, узнав о расстреле супруга, А. Мухитдинова поняла бессмысленность сопротивления и дала нужные следствию показания.

Дело А. Мухитдиновой – небольшое по объему. В нем имеются показания самой Мухитдиновой. Нет даже характерных для других дел всяких выписок и копий протоколов допро-

сов других обвиняемых (кроме показаний Гимранова Заки).

Из дела мы узнаем, что у Мухитдиновой и Дивеева был сын. Амина часто лежала в больнице. С ребенком она приезжала в Казань к матери. По показаниям арестованного Гимранова Заки, сын Мухитдиновой и Дивиева умер, в связи с чем Осман в последнее время пил. До этого Осман был веселым компанейским человеком.

Следователь пытался уличить А. Мухитдинову в посещениях нехороших людей (Ф. Сайфи), в участии в квартирных совещаниях у двоюродного брата Мухитдинова Насыха, и оглашал в этой связи показания Сайфи и Мухитдинова. Однако Мухитдинова отрицала эти встречи. По поводу показаний Сагидуллина она подтвердила наличие встреч, и о том, что Сагидуллин бывал у них на квартире в Москве.

На допросе 4 февраля 1939 г. А. Мухитдинова показала, что в 1926 г. присутствовала на квартире Х. Габидуллина в Казани на совещании татарских «левых» с участием троцкиста Сокольников. Тогда Амина была ответственным секретарем объединенного городского райкома партии ВКП (б) г. Казани и кандидатом в члены Татарского обкома ВКП(б). Правда, Амина не понимала, в чем тут преступление – ведь Сокольников тогда приехал в Казань на областную партийную конференцию как представитель ЦК ВКП(б). Совещание проходило под руководством секретаря Татарского обкома партии Хатаевича. И на нем обсуждали – как прекратить групповую борьбу в Татарской партийной организации.

8 февраля 1939 г. следствие объявляется законченным. В мае 1939 г. принимается решение – передать дело Мухитдиновой на рассмотрение Особого Совещания. Указано, что обвиняемая признала себя виновной

частично; лица, уличающие ее в антисоветской деятельности, – осуждены.

Прокурор Леонтьев делает вывод о доказанности преступления. В качестве доказательств выступают собственные признания Мухитдиновой и отдельные копии изъятых у Мухитдиновой писем антипартийного содержания. Заключение прокурора – Мухитдинова заслуживает направления в лагерь на 8 лет.

10 февраля 1940 г. в казанской тюрьме ей объявили о решении Особого Совещания – 5 лет ссылки в Красноярский край, считая срок наказания с 15 августа 1937 г.

Несколько слов и о деле Османа Дивиева. Он был обвинен в шпионаже в пользу Турции. Не будем разбираться в обвинениях – никаких доказательств этого в деле нет. Из дела мы узнаем, что Дивиев в Крымской республике занимал должности начальника Главного управления местами заключения, наркома внутренних дел, наркома юстиции и прокурора Крымской республики, ответственного секретаря Крымского ЦИКа. Последнее место работы – Финансовое управление «Главзолото» в Москве.

Квартира Мухитдиновой и Дивиева в Москве была объявлена сотрудниками НКВД как московский центр татарских «левых». Следствие сделало вывод, что здесь проводились нелегальные сборища «левой» группы и обсуждались вопросы борьбы против партии и советской власти.

Действительно, на квартире Мухитдиновой и Дивиева часто собирались представители казанских и московских татар. Сагидуллин на допросе показал, что в декабре 1931 года он здесь застал целое собрание. Там было много красноармейцев, военных, в том числе Чанышев, Касимов, Насых Мухитдинов, Ибрагим Ганеев, Мавлюдов. Сагидуллин открыл дверь в квартиру и, увидев много народа,

воскликнул: «Да тут весь реввоенсовет собрался».

По свидетельству узника казанской тюрьмы, бывшего председателя Казанского городского совета П.В.Аксенова, просидев в тюрьме немало времени, Амина Мухитдинова продолжала слепо верить в непогрешимость Сталина¹⁶.

Аксенов также отмечает, что А. Мухитдинова работала в аппарате ЦК ВКП (б) вместе с Н.И. Ежовым. Мухитдинова и Дивиев длительное время находились в большой личной дружбе с Ежовым, и эта дружба носила доверительный характер. Осман и Николай часто выпивали, пели песни, дурачились, разговаривали о пустяках и серьезном.

Ежов и его супруга сохранили близкие отношения с Мухитдиновой и Дивиевым и после назначения Ежова наркомом НКВД. И тем не менее оба были арестованы по распоряжению Ежова и этапированы в Казанскую внутреннюю тюрьму. В результате применения насильственных методов Дивиев признал себя виновным.

Находясь в камере, Осман Дивиев рассказал Аксену о своих встречах с Н.И. Ежовым. Эти сведения представляют огромный интерес и показывают, насколько близкими были отношения между Ежовым и Мухитдиновой с Дивиевым. Одновременно они подтверждают главную и зловещую роль Сталина в применении репрессий против своего народа. Обратимся к воспоминаниям Аксенова – в той части, где он передает рассказ Османа Дивиева.

ИСПОВЕДЬ ННЫКАЛАЯ.
ДВАДЦАТЬ ДВА МЕТОДА
АКТИВНОГО ВЕДЕНИЯ
СЛЕДСТВИЯ ТОВАРИЩА ЕЖОВА

Николай Иванович Ежов, велико-
лепный техник партийной работы,

обладал еще двумя высокими качествами – хорошей памятью и послушанием. Работая с кадрами партии, он отлично знал очень многих людей, работавших в Москве и даже в провинции, помнил даже тех, кого никогда не видел, но знал по анкетным данным и другим источникам. Поэтому он мог в любой момент предоставить Сталину исчерпывающую информацию об отдельных деятелях или группах деятелей, подвизавшихся в разнообразных сферах партийной и государственной жизни.

Самого Сталина Ежов не просто знал, – он знал его проникновенно и потому мог безошибочно определять и угадывать сокровенные желания и замыслы своего хозяина. Сталину не приходилось напоминать Ежову о выполнении тех или иных распоряжений. Ежов не нуждался в напоминаниях. Схватывая на лету брошенное Сталиным замечание, он додумывал его за своим рабочим столом, превращал в законченные мысли и директивы своего шефа и представлял ему на рассмотрение и утверждение.

Ежов не изображал из себя мыслителя, но он умел отлично слушать, вникать в услышанное и исполнять. И за это Сталин ценил и даже любил Ежова и в повседневных контактах называл его не по фамилии, а по имени, чтобы подчеркнуть интимность их отношений.

И сам Ежов очень радовался тому, что хозяин запросто называл его «Нныкалай».

И вот эти качества Ежова и определили выбор Сталина, когда ему понадобился нарком внутренних дел нового типа, то есть нарком, знающий партийные кадры, понимающий желания своего шефа и совершенно послушный.

Еще до февральско-мартовского пленума шеф ориентировал Ежова на необходимость усиления режима

в тюрьмах и лагерях, более твердой процедуры следствия и смелой изоляции всякого рода критиков и недовольных.

Вскоре после пленума между хозяином и Ежовым состоялся генеральный разговор о дальнейших мероприятиях по упорядочению дел в стране. Критерием оценки этих дел явилось «теоретическое» открытие Сталина относительно обострения классовой борьбы по мере достижения новых успехов социализма. Сталин обратил внимание своего наркома на категорическую необходимость изоляции и даже ликвидации всякого рода колеблющихся, сомневающихся, подозрительных и недовольных, мешающих процессу образования в партии и стране монолитного единства.

Ежов информировал Сталина, что значительное количество представителей этих групп уже репрессировано в центре и на местах, и будут производиться дальнейшие аресты. Он доложил также, что готовятся несколько списков наиболее ответственных представителей этих сомневающихся и маловеров, и как только списки будут готовы, Ежов представит их на рассмотрение хозяина. Через несколько дней списки были готовы. Ознакомившись и одоблив их, Сталин спросил Ежова:

– Это хорошо, Нныкалай, но что Вы намерены с ними делать?

– Мы их уничтожим, товарищ Сталин.

– Кого хотите уничтожить – списки?

– Врагов, товарищ Сталин, о которых мы с Вами, насколько я помню, условились в прошлый раз.

– Нет, Нныкалай, ты меня, кажется, не до конца понял. Уничтожить их надо, конечно, потому что они враги. Но на законном основании. Это значит: надо вести следствие и судить по законам нашего государства. Иначе

история и историки нас не поймут и осудят.

– Но, товарищ Сталин, опыт допросов уже репрессированных врагов не дает нужных результатов. Они не признаются, и даже самые опытные и твердые следователи не могут добиться от них нужных показаний.

– Ошибка ваших следователей состоит в том, что они применяют либеральные методы следствия, свойственные иным, буржуазным формам права. Но ведь мы живем в условиях ожесточенной классовой борьбы, и здесь эти формы непригодны. Нам нужны динамичные, активные методы следствия для того, чтобы сломать сопротивление заведомых классовых врагов.

– Я Вас понял, товарищ Сталин, мы научим следственный аппарат работать по-новому.

– Ты должен понять еще одну истину. Нам надо обезвредить или уничтожить не только этих вот, явных врагов. Надо раскрыть и уничтожить их связи. Одного признания мало, надо, чтобы эти люди показали своих сообщников.

Рассказ Ежова о беседах со Сталиным произвел на Османа и Амину тягостное впечатление, но не вызвал с их стороны какого-либо неодобрения. Они понимали трудность положения своего друга в новых условиях, сложившихся после февральско-мартовского пленума, и прониклись к нему большим сочувствием. Но до них не дошло самое главное в рассказе Ежова: курс на бескомпромиссное уничтожение активного слоя партии.

После своего рассказа Ежов, опустив голову к столу, долго сидел в каком-то тягостном раздумье. Другьям показалось, что прозвучала исповедь, исповедь отчаяния, и они спросили:

– Что Вас так расстраивает, Николай Иванович?

Он с недоумением посмотрел на них и вдруг, подняв голову, жестко улыбнувшись, проговорил:

– А вы, я вижу, не поняли смысла моих речений. Так знайте: ваш чувствительный друг и товарищ разработал и подписал инструкцию о применении в следственной практике наиболее эффективных средств допроса арестованных. В этой инструкции 22 пункта, то есть 22 метода мучений, пыток людей с одной только целью – вынудить их давать нужные нам показания. Эта инструкция войдет, несомненно, в историю под моим именем, и имя это будет проклято невинными жертвами и предано презрению теми, кто внушил мне это черное дело.

Закончив, Ежов налил целый стакан водки и залпом выпил. Но, как ни странно, редко и небольшими дозами принимающий алкоголь, Николай Иванович теперь не пьянел от очень больших доз водки. Он только мрачнел и становился угрюмым.

Желая развеселить Ежова, Амина, разглаживая рукой его спутанные волосы, говорила что-то хорошее, мягкое, успокаивающее, но, не добившись успеха, промолвила:

– Николай Иванович, в конце концов, ты можешь отменить эту неудачную инструкцию или уйти из НКВД на другую работу. Осман мне всегда говорил, что по характеру своему ты не пригоден для работы в НКВД, ты слишком мягкий человек. И я согласна с ним.

– Эх вы, наивные идеалисты, вы до сих пор не понимаете, что от нашего хозяина никто и никуда не может уйти. Не забывайте: помимо НКВД, во главе которого он меня поставил, у него есть еще тайное, негласное НКВД, которым он лично руководит. И это маленькое, негласное, но самое мощное НКВД держит в руках наше большое НКВД, генералитет и самих членов политбюро. Все мы – пленни-

ки этого негласного НКВД и хозяина, управляющего им...

Ежов проглотил еще полстакана водки, поднялся со стула и, не прощаясь, покинул нас. Больше мы не встречались с Николаем Ивановичем, а через некоторое время нас арестовали и привезли сюда.

На этом закончил свой рассказ Осман Дивеев. Мы долго молчали. Потом Осман поднял голову:

– Здесь я познал на себе и товарищах, с которыми встречался, эффективность 22-х методов моего будущего друга. Никому до сих пор об этом не говорил, а вот сегодня рассказал. Может, кто-нибудь из нас останется жив и поведает людям о страшном заговоре «отца народа» против своих детей...¹⁷

* * *

Летом 1940 г. А. Мухитдинову привезли в ссылку в г. Енисейск, поселили в каком-то сарае. Затем ее приютила местная жительница, работавшая уборщицей. Амина работала разнорабочей на пристани, на лесозаводе. Часто болела, потом потеряла работу. Затем ей удалось устроиться на работу в библиотеку.

В июне 1940 г. (очевидно, сразу по прибытии на место ссылки) Мухитдинова обратилась с заявлением на имя секретаря ЦК ВКП (б) Жданова. Мухитдинова пишет, что решением Партоллегии при Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) под руководством Шкирятова ей было объявлено предупреждение за участие в левой националистической татарской группировке. Через 11 дней после этого решения Мухитдинова была арестована в Казани, больная, без смены белья, без средств. Находилась под следствием 2,5 года. Мухитдинова указывает в жалобе, что ее этапом вели пешком 70 километров зимой в

мороз в 30 градусов из Елабужской тюрьмы в Казанскую, полтора года она проболела в тюрьме цингой. Видимо, именно болезнью объясняется отсутствие протоколов ее допросов в течение первого года заключения. Следствие по делу Мухитдиновой вели сотрудники НКВД Крохичев, Хабибуллин и Гатин.

Мухитдинова в заявлении указывает, что в 1926 г. состоялось решение ЦК ВКП(б) о прекращении группировочной борьбы между правыми и левыми в татарской партийной организации, и она окончательно и немедленно отошла от левой группировки, признав свою ошибку. После 1926 г. в левой группировке не участвовала.

Бедная Амина Фасыховна! В заявлении Жданову она неоднократно кается в своей ошибке перед партией и пытается доказать, что она исправила эту ошибку. Она просит вернуть ее «в ряды равноправных членов строителей социалистического общества». Однако никто на это заявление не ответил.

Если исходить из решения Особого Совещания, то срок ссылки Мухитдиновой (5 лет) истек в августе 1942 г.

Однако домой она поехать не могла – шла война. Мухитдинова скончалась в г. Енисейске 26 декабря 1944 г. В акте о смерти указана причина – сыпной тиф, менингит.

О реабилитации Мухитдиновой обратилась в 1958 г. родственница – Н.М. Мухитдинова. В этом же году А. Мухитдинова была реабилитирована.

В период пересмотра дела был допрошен член партии Самигулла Касимов, 1897 г.р. Лично знавший Амину Мухитдинову, С. Касимов сообщил, что она была активным деятелем партии, высокообразованным, политически грамотным человеком, часто выступала с лекциями и докладами перед населением.

Я бы мог еще многое написать о заслугах Амины Фасыховны Мухитдиновой. В истории Татарстана она занимает очень высокое и достойное место. По масштабу личности, деятельности я бы сравнил ее с такими известными личностями, как Коллонтай, как Фурсова и другие женщины – государственные деятели. К сожалению, она не смогла реализовать свой огромный потенциал в полной мере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нуруллин И.З. Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе. Казань: Татарское кн. изд-во. 1971. С. 204, 318–323.

² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 977, Казанский университет. Опись «Личные дела». Дело № 42191 Мухитдиновой А.Ф.

³ «Ирек», 1917, 28 мая.

⁴ Касимов С. Эминэ Мөхетдинова // Азатхатын. 1963. № 11. С. 4–5.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-700, опись 1, дело 10.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-776, опись 1, дело 28. Казанский губернский отдел юстиции. Протокол междуведомственного совещания... 1919–1920 годы.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 8. Наркомост ТАССР. Отчеты... 1920–1921 годы.

⁸ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 112. 1921 г.

⁹ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 92. Общий отдел. Протоколы заседаний бюро... 1921 г.

¹⁰ Гарипова З.Г. Татары за пределами Татарстана. Казань, 2008. С. 4.

¹¹ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 94. Общий отдел. Протоколы заседаний секретариата областкома РКП(б), 1921 г.

¹² *Тагиров И.* «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // *Эхо веков.* 2006. № 1(43). С. 33–37.

¹³ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 119. Наркомюст ТАССР. Протоколы заседаний коллегии... 1926–1927 годы.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 121. Наркомюст ТАССР. Протоколы заседаний... Главсуда ТАССР. 1926–1927 годы.

¹⁵ Бюллетень Народного комиссариата юстиции АТССР, октябрь 1925. № 2. С. 28–29.

¹⁶ *Аксенов П.* Последняя вера // Казань. 1995. № 1–2. С. 79–80.

¹⁷ *Аксенов П.* Последняя вера // Казань. 1994. № 7–8. С. 119–121.

Аннотация

В статье рассказывается о жизни и судьбе Амины Фасыховны Мухитдиновой – известного государственного и партийного деятеля Татарской республики, которая стала жертвой сталинских репрессий.

Ключевые слова: Амина Фасыховна Мухитдинова, история Татарской республики, Наркомат юстиции Татарской республики, Осман Дивиев.

Summary

The article tells about the life and fate of Amina Fasykhovna Mukhitdinova, a famous statesman and party leader of the Tatar Republic, who became a victim of Stalin's purges.

Keywords: Amina Fasykhovna Mukhitdinova, the history of the Tatar Republic, the People's Commissariat of Justice of the Tatar Republic, Osman Diviev.